

И вот он — мой новый объект, отслуживший свое, послевоенный дом, который в конце жизни, по воле случая, стал площадкой для съемки кинофильма.

Захожу вновутрь. Передо мной просторная комната, образованная путем удаления четырех дощатых перегородок. Я такие уже видел в соседнем помещении. Они сделаны из не струганных досок, обитых с двух сторон дранкой и оштукатуренных известковым раствором. Звукопроницаемость по всей видимости изумительная, ну что поделать — вероятно в те годы была распространена такая вот технология. А сами перегородки в соседних квартирах были частью обгоревшие, а частью разрушенные. Полы, где есть, где нету, и все завалено мусором, старой мебелью, битым стеклом, и, конечно же, кругом летают целые полчища мух. Приглядываюсь к проему в стене и ... опаньки, как это сейчас модно говорить во всех новорусских сериалах. К чему это я о сериалах? — Подождите чуток, скоро поймете. Ну, да ладно, бог с ними с сериалами, что это за опаньки я в проломе-то разглядел? — Кладка 3/4 кирпича. Да, такого я еще нигде не встречал. Я себя строителем не считаю, хотя пришлось мне и на стройке немного потрудиться. Но тем не менее знаю, что стена должна быть сложена либо в полкирпича, это когда кирпич укладывается вдоль стены, либо в кирпич, когда кладка делается поперек стены, и ни как иначе, а тут на тебе в 3/4. Причем кладка сделана из половинок, а сбоку, то справа, то слева, четвертинки примастырены. А бывает и две половинки поставлены на ребро, а между ними раствор залит. Ай да строители, ай да выдумщики! Видать не только русская голь на выдумки хитра, а и у немецкой голи с этим все в порядке. А при чем же здесь немецкая голь спросите вы, а при том — ведь этот дом строили немецкие военнопленные! И построены эти домишки, по всей видимости, как временные жилища. Но тем не менее в соседних бараках того же типа люди до сих пор живут, и ничего, не жалуются, да и кому собственно говоря жаловаться, это ж вам не Москва, а обычный уездный городок, каких по всей России тысячи. И коль не втемяшилась бы в голову кинорежиссера идея снять здесь фильм, и в этом доме тоже б жили. А вот у нас на Петровке (Петровкой у нас зовут микрорайон Петровское, это там, где я живу), так вот у нас на Петровке княжеский особняк стоит, никому как бы и не нужный, никто в нем не живет, власти видно не дают им пользоваться, и неизвестно, в чей он собственности находится. Кстати, у нас не один только особняк в таком состоянии, у нас и баня точно так же подвешена. Вроде как есть, причем в удобном месте возле пруда, а вот париться-то негде. Поди вот, разберись в этих чиновничьих коллизиях. Ну, нет же, разобраться-то оно конечно можно, и ума для этого большого не потребуется, да вот только кто тебе даст это сделать — жаловаться-то у нас некому. Да, такой вот у нас микрорайон, такой у нас город, такая уж у нас страна. Так вот стены в этом особняке, принадлежащем когда-то потомку самого Рюрика в двадцать каком-то поколении по мужской линии, того самого Рюрика, которого считают основателем государства Российского (ну, это, конечно, если верить нормандской теории, которую так усердно насаждали нам в школе идеологи коммунизма, не иначе как решили, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс находятся в каком-то родстве с Рюриком — другого разумного объяснения этому феномену я не нахожу), но как бы то ни было стены в этом особняке толщиной аж в три с половиной кирпича! Как раз для наших русских морозов, да и в июльскую жару в таком здании прохладно. А кирпич-то какой?! — Наши местные вандалы уже давным-давно крышу и все деревянные детали на сараи разобрали, которые тут же рядышком и сгордели, а вот стены так им и не поддались. Поливает их дождь, мороз разорвать стремится на части, а им хоть бы хны. Вот какой кирпич, вот какой раствор наши предки делать умели, не чета нынешним. Вот что значит — на века строили. И что же это вот получается, времянки построенные на скорую руку стоят и стоят, и еще бог весть сколько лет стоять будут (ведь с момента развала СССР строительство жилья для обычных граждан в нашем городе не ведется, лишь немного для самых богатых, и потому надеяться жителям этих бараков не на что), а то, что добротнo, с душой на многие, многие века построено, отдано на волю стихии, заброшенное и бесхозное? И в точно таком же состоянии находится графская усадьба неподалеку отсюда, в деревне Колосово. Смотрят простые люди, патриоты российские на эти некогда изумительнейшие архитектурные жемчужины града Алексина, и сердца у них кровью обливаются. Ну, а те, что наверху — нет, не уважают они свою Родину, не восхищаются ее историей, видать, все мысли у них о заграницах. Да, впрямь как в той поговорочке: красные пришли — люди в бараках живут, белые пришли — в тех же бараках, зеленые придут — и при них бараки стоять будут. Ну, какой у нас город, какая страна, я уже упомянул, повторяться не стоит, лучше расскажу, какое «опаньки» я еще в проломе увидел. Да, точно, заморочки этой немецкой стеночкой там не за-

канчиваются. И вот в этот самый пролом русские мастеровые люди вмонтировали старый ржавый ЛИАЗ — автобус советских времен.

Строители эти сейчас ушли, устроили забастовку по случаю невыплаты заработной платы. Что, конечно же, немного успокаивает — не один я такой вот кинутый на просторах России-матушки маюсь, или уж если точнее — России-мачехи, вот так-то оно правдивей будет. Что поделаться, так вот она жизнь наша устроена — кому мать родная, а кому мать твою. Кидальщикам, халявщикам она, конечно же, мама родная, ну, а нам сиротам... Ну да ладно, хватит об этом, надоело, и так все ясно. Вопрос только в том: любят ли сынки ее также, как мы, пасынки? — Вот в этом и состоит парадокс нашей российской действительности. А им что, кинул, развел, украл, раздербанил и... пожинай-пожирай плоды своей низости где-нибудь в Англии, Турции, или на Канарах. Раньше у нас было модно говорить — это сладкое слово свобода, ну, а сейчас было бы уместно сказать — это сладкое слово халява. И все эти халявщики-кидальщики, все эти рейдеры скрытые и открытые в один голос заявляют, что они заработали собственным трудом многомиллиардные состояния. И это всего-то за каких-то там пару лет — даже на диком западе такого не было! Да вот только никто из моих знакомых, кто честно работал, не то что олигархом не стал, но и толком разбогатеть не смог.

И вот по причине отсутствия строителей выхожу через автобус-вестибюль на улицу. Да, по всей видимости, эта дизайнерская находка должна была стать изюминкой фильма, который здесь собираются снимать — «Курьер из рая», так вроде бы он будет называться, хотя, по правде сказать, точно не знаю. Я здесь впервые и поэтому с некоторым удивлением наблюдаю все меня окружающее, но вместе с тем и не без сарказма.

Напротив автобусной двери — пара наскоро сколоченных парничков, причем один из них стоит прямо на дороге, на брущатке, по имени которой и называется этот поселочек — Брущатка. Да, надо как-то вот очень виртуозно вести съемку, чтобы зритель не заметил, что помидоры на камнях растут.

Рядом с парничком стоит уже довольно-таки немолодая женщина, которая при моем появлении рассыпалась в пышных по ее понятиям любезностях: «Ах, как это красиво, как же это все красиво, — не переставала говорить эта слегка перезревшая дама, — большое вам спасибо!» Все продолжала и продолжала говорить она мне, а я все не мог взять в толк, о чем эта женщина так возбужденно рассказывает. А она повторяла снова и снова: «Как это прекрасно! Смотрю я из окна, а он красит, красит, как же это все красиво!» Наконец-то до меня стало доходить, что она хвалит какую-то работу строителей. Мне стало неловко, и я попытался открититься, сказав ей, что я не строитель, а всего лишь охранник. Но это ее не остановило, и она все продолжала хвалить и восхищаться, так оживленно и восторженно, что я невольно попытался отыскать причину ее восторгов и похвал. Но ничего кроме облупленных стен ветхих домов и ржавого автобуса так и не увидел. Но тут в поле моего зрения попала крохотная детская площадка, сделанная строителями из подручных материалов и окруженная оградой из старых, отслуживших свой срок покрышек, которые были раскрашены в белый и голубой цвет. Я как-то сразу не разглядел ее среди бурьяна окружавшего старые, давно не отремонтированные дорожки и проезды. Да, конечно же, это прекрасно, что у детей наконец-то появилось обустроенное место для игр, впервые за шестьдесят лет с момента постройки этих вот домишек.

Но женщина почему-то смотрела в противоположную от площадки сторону. И вот тут-то я стал подозревать неладное, уж очень неестественно она себя вела.

Разгадка не заставила себя ждать. Из подъезда напротив нас показался парнишка, в руке у него было что-то вроде пластмассового бидончика, внутри которого виднелась прозрачная жидкость. Увидев ее, англичанин бы воскликнул: «О, это домашний виски?!» Но жителей этого местечка емкость несколько не удивила, видно это было для них делом обычным. Но тем не менее, беседующая со мной дама еще больше возбудилась и стала еще громче восклицать. Поравнявшийся с нами молодой человек что-то ей невнятно поддакнул, на что женщина как-то глуповато улыбнулась и устремилась вслед за парнем, продолжая бормотать — «Как красиво, как красиво, спасибо, спасибо вам...»

Я проводил их взглядом, а сам подумал: «Да видать не греют стены, построенные немецкими военнопленными кое-кого из местных жителей, и поэтому они начинают прогревать себя самодельным зельем аж с самой середины лета, чтобы к пику зимних холодов быть в хорошей физической форме.

И вот тут-то мне вспомнилась Москва, незнающая ни в чем недостатка, суетная столица, ведь деньги в нее стекаются со всей страны. И вот сидел я как-то раз в ухоженном московском дворике, ждал, когда нужный мне магазин откроется, и что же я там увидел? — Роскошная по нашим меркам детская площадка, удобные лавочки для отдыха и... такие же пьяные рожи, что и у нас, на заросшей бурьяном Брущатке. А проходящие мимо милиционеры — ноль внимания. Но покажись им там трезвый, как стеклышко, гастарбайтер — ободрали бы как липку. Они бы и до меня домотались, если б знали кто я. И не потому что я совершенно не употребляю вот эти самые горячительные напитки, огнюдь нет, а потому что я из провинции, в чем убедится возможность у меня была не раз. И плевать им на конституционные права граждан России, тем более я вполне уверен, что конституцию многие из них и ни разу-то не открывали. Зачем, скажите, пожалуйста, халявцам конституция? Да, в советские-то времена отношение к милиции было совсем другое. Так и хочется воскликнуть: «О, времена, о нравы!» Выручает меня лишь то обстоятельство, что я, как и коренные жители столицы, являюсь потомком племени Вятичей, так что ни поговору, ни по внешнему виду отличить меня от москвичей невозможно, а документы у всех не напроверяешься. Слава богу, ну хоть с этим повезло. Но нет же, конечно, нет, не одних вятичей мы потомками являемся, я имею в виду жителей нескольких областей центральной России, но еще и финнов, балтов, татар, ну куда же без них родимых? И здесь я несколько не

иронизирую, поскольку эти народы приняли самое активное участие в генезисе Великолукской нации. Даже вот самый любимый и почитаемый герой русского фольклора Илья Муромец был ни кем иным, как поволжским финном, потому что слово Муромец, ставшее со временем именем собственным, это же не фамилия, не прозвище, а национальность! Жило-было когда-то на берегах Оки финское племя Муромы, столицей которого и был всем известный нам еще с детства город Муром. Впоследствии оно целиком и полностью растворилось в русском этносе, как, впрочем, и многие другие племена, в том числе и славянское племя Вятичей. Единственным отличием является то, что Российское государство начало формироваться на территории, которую к тому времени вятичи очень хорошо освоили, и где они всецело доминировали, и поэтому-то диалект этого племени стал базой русского литературного языка. Вот такая взаимосвязь прослеживается между средневековой Россией и нынешней московской милицией.

Ну, да ладно, вернемся в старинный град Алексин, к тем домишкам, что Брушаткой зовут. Не знаю, про что там собрались фильм снимать, и вполне могу предложить свой сценарий. Самогон, халява и ржавый советский автобус, проломивший тонкую стену российской демократии, заложенную еще немцами, ну в смысле западом, ведь на Руси в начале средневековья всех иноземцев пришедших с запада и не говоривших на славянском языке называли немцами, то есть немцами. А вот все старорусские беды, такие как пьянство, мздоимство и воровство живут здесь и поныне, как те толстые стены особняка князя Тюфякина, несмотря ни на что. Ведь с воровством и мздоимством еще Петр первый боролся, не покладая рук, хотя и сам был изрядным кутилой (ну это он, видно, так своеобразно западную демократию понимал), но умер Петр Великий, не сумев побороть это зло. А главный халявщик того времени, Александр Меньшиков, заметно пережил своего благодетеля, успев кое-что прикарманить и при последующих правителях. Вот так, или примерно так, мне хотелось ответить тем молодым людям, которые время от времени подходили ко мне и спрашивали — «Про что кино снимают?» Ведь наверняка это фильм они никогда не увидят, и со мной встретиться у них вероятность мизерная, а если даже встретят, не узнают, не вспомнят. Но врать, пускай даже художественно, это не мой стиль, уж таким я появился на этот свет.

И вот тут, когда мне уже хотелось поставить заключительную точку в своем повествовании, из открытого окна, напротив стоящего дома, донеслась пьяная, нудная, противная песня, и моя точка невольно расплылась в жирную и грязную кляксу.

